

мины «провинция», «страна», «государство» даны в указателе без всякой исторической перспективы, а иногда и совершенно неверно. К «провинции» отнесены, например, «Арахозия», «Гиркания», а «Сицилия»—это «остров», «Македония»—«страна». Особенно непонятно, почему в области древней Аттики «Педия», «Диакрия», «Паралия» объявлены «провинциями». Специфически римская терминология перенесена в древнюю Грецию, а там, где мы имеем несомненные римские провинции, как «Сицилия», или «Македония», на карте № 20 указатель их опускает. «Великая Греция» объявлена также «провинцией». Происходит это, как указано выше, потому, что в указателе нет исторической перспективы: на одной карте Сицилия, несомненно, обозначает только остров, на другой—римскую провинцию, то же относится и к «Македонии». Но указатель упоминает названия только на одной какой-нибудь карте, и поэтому создается неверное представление о значении данного названия. Термины «область», «округ» отсутствуют в указателе, поэтому Лукания также оказывается «провинцией», а Калабрия—страной. Что касается транскрипции греческих и латинских названий, то они также вызывают возражения: нельзя никак в греческих названиях как «Артемисий», «Гимнасий», «Мусей», «Имброс» и проч. передавать греческую «с» через «в». Далее, этрусские «Вульчи» превратились в «Вольцы». Следует писать «Цирцейон», а не «Цирцей» (карта № 17).

На карте № 5—«Израильское царство», следует—«Израильское царство».

Закончу указанием на некоторые опечатки в самих картах: «Асколон» вместо «Аскалон» (также и в указателе), «Вейн», вместо «Вейи» на карте № 4, «Имрод» вместо «Имброс» на карте № 11, мыс «Акрокеравнский» назван «Акрокераванский»—карта № 12 (так же и указатель).

На первом этапе работы над атласом трудно было избежать промахов. Самый характер так сильно разросшейся и все же не исчерпывающей всех вопросов рецензии указывает на необычайную сложность и трудность работы, сделанной автором и редакцией «Атласа».

В основном атлас очень привлекателен по внешнему оформлению, интересен, оригинален и дает цельную и законченную иллюстрацию к школьному курсу истории древнего мира. Ознакомившись с содержанием атласа, выскажем благодарность лицам, над ним работавшим, и пожелаем, чтобы имеющиеся недочеты были исправлены в массовом его издании, где, конечно, ни одной опечатки и опечатки быть не должно.

Проф. С. И. Протасова

И. М. ГРЕВС, «Тацит», изд. АН СССР, научно-популярная серия, М.—Л. 1946, стр. 264.

Русская научная литература не богата произведениями, предназначенными для широких читательских кругов и совмещающими строгую научность с доступным изложением. У нас есть превосходные исследования, есть прекрасные университетские курсы, и очень мало популярных книг. Заполнить этот существенный пробел поставила себе задачей Комиссия Академии Наук СССР по изданию научно-популярной литературы, и книги, выпускаемые ею, стремительно расхватываются читателями самых разнообразных профессий и самых различных состояний.

Среди превосходных книг, изданных Комиссией, нашла себе место и работа о Таците, написанная известным русским историком Ив. Мих. Гревсом. Этой книге обрадуются многие: для многих будет она интересна и поучительна.

Тацит для нашего рядового читателя только имя, с которым в лучшем случае связываются какие-то бесцветные представления: «древний историк», писал «о рим-

ской империи»; «ругал Нерона». О Таците имеется у нас книга В. И. Модестова, появившаяся больше 80 лет назад и ставшая, разумеется, уже библиографической редкостью¹. Русский читатель вправе требовать книги об этом замечательном историке, рассчитанной не только на специалистов. Теперь она у него есть. Работу Гревса с интересом и с пользой прочтут и те, кто пожелает лично для себя ближе познакомиться с Тацитом, и те, кому надлежит по обязанности иметь с ним дело: студенты, историки и филологи; многочисленный контингент преподавателей вузов и техникумов; учителя средней школы. Все они закроют эту книгу, обогатившись знаниями— и не только знаниями. И. М. Гревс сумел превратить смутную тень, именовавшуюся Тацитом, в живого человека; сумел показать и ту среду, где он жил, и путь, который он прошел в своей работе историка, и методы его исторической работы. Он дал справедливую оценку его трудов, вполне отвечающую взглядам современной науки. Книга его не содержит ошеломляющих открытий, смелых гипотез, новых и спорных точек зрения. Все это и не место в работе, рассчитанной не на классика-специалиста, а на широкий читательский круг. Но она дает как раз то, что особенно нужно этому последнему, и чего так нехватает во многих книгах по древней истории и литературе: картину живой жизни того отдаленного времени, заинтересовать которым можно только в том случае, когда читатель почувствует близость с людьми, отрезанными от него тысячелетиями, и поймет, что их работа, их дела и мысли не прошли даром ни для его времени, ни для него лично. И. М. Гревс обладал исключительным умением связывать прошлое с настоящим, и это умение не изменило ему и в его последней книге. Под руками мастера-историка, внимательного к каждой мелочи и детали, возник живой образ, интересный и понятный для читателя: черты крупного художественного таланта и особенности умственного и нравственного склада сливаются в единый, цельный и строгий облик, которому русский читатель отведет достойное место в галлерее знакомых ему крупных людей и деятелей мысли. Очень интересны в книге и очень важны вводные главы: о Риме и о воспитании у римлян. Картина Рима с его многообразной и пестрой жизнью, с его светлыми и мрачными сторонами очень удалась автору: для многих читателей «Тацита» она окажется совершенно новой: в русской исторической литературе она дана впервые.

Книга не лишена недостатков, и современному читателю недостатки «Тацита» сразу бросятся в глаза. Редакция книги в предисловии уже отметила эти недостатки: отсутствие точных формулировок и недооценку античной специфики некоторых явлений из истории древнего мира. Кроме этих серьезных недостатков, можно указать и на более мелкие недочеты и промахи: за текстом Каллиника следовало отправить читателя к *Fragmenta Historicorum Graecorum*; чернила делались чаще не из сока каракатицы, а из разведенной сажи с прибавлением камеди; фреска с изображением сцен из школьной жизни происходит не из Геркуланума, а из Помпей... Все эти недостатки и мелкие промахи не умаляют, однако, достоинств книги: советский читатель, прошедший хорошую марксистско-ленинскую школу, легко выправит для себя методологические промахи ученого старой школы, и возьмет у него то, в чем он нуждается; богатый фактический материал, строго проверенный, живость изложения, красочность картин, которые автор проведет перед его глазами, заставят его заинтересоваться эпохой, углубиться в нее, познакомиться с произведениями самого Тацита. Он уйдет от этой книги культурно обогащенным.

Иван Михайлович Гревс—имя, которое с любовью и почтением произносят все, кому действительно дороги русская культура и русская наука. Большой, настоящий ученый, он был изумительным учителем, который не только учил, но и воспитывал своих учеников, словом и примером учил их высокой преданности науке, неустанному исканию, радостной работе на пользу другим. Этот человек стоит того, чтобы о нем помнили: редакция прекрасно сделала, поместив при его последней книге, над которой он работал до самой смерти, его биографию. Биография эта написана одной из учениц Ивана Михайловича—Е. Г. Скржинской—и написана так, что сам покойный не

¹ Кроме того, она написана для специалистов.

пожелал бы для себя лучшей: просто и деловито, с большой теплотой и тонкостью. Прекрасный образ «учителя науки» ласково смотрит с этих страниц, изящный и четкий стиль которых иногда напоминает язык самого Ивана Михайловича.

Книга снабжена предисловием Ив. Ив. Толстого, кратким и превосходным.

М. Е. Сергеевко

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ДРЕВНИЙ МИР.

Выпуск I, С. Кечекьян, Древний Восток и Древняя Греция. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 216, 8 000 экз., цена 9 р. Выпуск II, И. Перетерский, Древний Рим. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 195, 8 000 экз., цена 8 р.

Предпринятое Юридическим издательством НКЮ СССР издание «Всеобщей истории государства и права» не только отвечает потребности в учебной литературе для юридических институтов, но и отражает возросшую необходимость исследования истории государства и права, роль и значение которых в жизни народов огромны. Выросши как идеологические надстройки над социально-экономическим базисом, политические правовые идеи и нормы оказывают в свою очередь обратное воздействие—прогрессивное или реакционное—на развитие общества. Поэтому важно уметь вскрывать их подлинную сущность и понимать их историческую роль. А для этого необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

В предисловии к первому выпуску «Всеобщей истории государства и права», которое, повидимому, служит предисловием и ко всему изданию, автор указывает, что «Курс всеобщей истории государства и права ставит своей задачей проследить развитие государства и права на протяжении всей истории человеческого общества. Этот курс должен показать процесс возникновения первых государств и первых систем права и отразить все существенные перемены, происходившие в политических учреждениях и правовых системах с момента возникновения государства и права до наших дней» (стр. 3).

Но история государства и права не представляет собой обособленную историю спонтанного саморазвития политических институтов и правовых норм, раскрытия неких вечных идей, как это изображает буржуазная наука. Право и государство «должны изучаться, как надстройка над экономическим базисом, их развитие должно и может быть правильно освещено лишь в связи с развитием производительных сил и производственных отношений общества» (стр. 5).

Эта мысль постоянно повторяется в первых двух выпусках «Всеобщей истории государства и права». Для ее развития древнее право дает особенно поучительный материал. Если в более поздние времена насилие эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством стало маскироваться демагогией о надклассовом

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 364.